

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA
 | Другие имена для русской дилеммы «Запад — Восток» |

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

Россия, Санкт-Петербург.
 Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
 Профессор, доктор социологических наук

Russia, St-Petersburg.
 The State Russian Herzen Pedagogical University (Herzen University).
 Professor, Doctor of Social Sciences

krokinskaya@mail.ru

ДРУГИЕ ИМЕНА ДЛЯ РУССКОЙ ДИЛЕММЫ «ЗАПАД — ВОСТОК»

Проблема западно-восточных коннотаций в русской культуре и социальной культуре постсоветской России продолжает привлекать внимание исследователей. В статье предпринимается попытка рассмотреть ее с позиций социосемантики. Для этого анализируются несколько социокультурных значений символов «запад» и «восток». Они рассматриваются как познавательные установки, как проявление гендерных стереотипов, как свидетельство гетерогенности мышления в аспекте функциональной асимметрии мозга, способов обработки информации и интерпретации явлений. В связи с этим показаны элементы мифологического и рационального в современной ментальности, а также «открытости» и «закрытости» в стратегиях поведения, измеряется чувство близости или дистанцирования по отношению к цивилизационному «западу» и «востоку», конкретно к США и Азии. Обосновывается предположение об адаптивном характере социальной архаики для несовершенных и незавершенных структураций общества. Для указанных аспектов темы приводятся эмпирические данные, полученные в исследованиях, проведенных при помощи Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Ключевые слова: социосемантика, культура, социология культуры, ментальные стереотипы, социальное бессознательное, дилемма «запад-восток», социокультурные ценности, гендерные характеристики социума, архаика и современность

Other Names for the Russian Dilemma: East — West

The problem of West-East connotations in Russian culture, and the social culture of post-Soviet Russia, continues to attract the attention of researchers. This article attempts to examine the subject in terms of sociosemiotics. Several socio-cultural values of relating to "western" and "eastern" characteristics are analyzed for this purpose. These include educational setting, the manifestation of gender stereotypes, as evidence of heterogeneity of thought in the aspect of functional brain asymmetry, and methods of data processing and interpretation of phenomena. In addition, the article deals with mythological and rational elements in the modern mentality and discusses modern people's relations to "western" vs. "eastern" civilizations; specifically, the U.S. and Asia. Moreover, it also refers to the adaptive nature of social archaism within the framework of the imperfect and incomplete structuralization of society. Empirical data regarding these aspects are presented from studies conducted by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Key words: sociosemiotics, culture, sociology of culture, mental stereotypes, social unconsciousness, the "west-east" dilemma, socio-cultural values, gender characteristics of the society, archaic and modern

Концептуальная идея, маркированная когда-то символом «Запад-Восток», в нашей истории породила длительную и плодотворную дискуссию о культурной идентичности России. Однако, оставаясь посылке больше метафорой, чем научным термином, она, кажется, исчерпала познавательную силу. Ее современные контексты конкретны. Это международные контакты и межкультурные взаимодействия, нацеленные не на подтверждение идентичности, а на согласование интересов су-

веренных государств, корпораций, организаций и групп. Вместе с тем «западно-восточная» дилемма по-прежнему нуждается в научной интерпретации, т. к. продолжает присутствовать в массовом сознании в виде устойчивых стереотипов. Это обстоятельство имеет свои последствия для решения важных проблем современного мира, ведь жизнь в XXI столетии требует от всех участников взаимодействий значительно большей рациональности представлений, чем в мире устойчивом и традиционном. Мир традиций вполне может опираться на стереотипы и мифологемы как отзвуки успешно решенных задач, надолго ставшие алгоритмом успеха, поскольку стремится к самотождественности и нуждается в воспроизводстве. А современный

* Статья подготовлена по материалам проектов, поддержанных РГНФ («Кросс-культурный анализ образов России, Украины и Белоруссии» (№ 07-03-02013а) и РФФИ («Феноменология национальной идентичности», грант РФФИ № 07-06-00242а).

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA
| Другие имена для русской дилеммы «Запад — Восток» |

мир находится в процессе глубоких качественных изменений и нуждается в новых решениях, обусловленных беспрецедентными ситуациями, которые вряд ли могут пользоваться алгоритмами, даже если когда-то их применение приносило успех.

«Восток» и «Запад» как познавательные установки

Одним из самых древних инструментов человеческого познания, с помощью которого люди начали осознавать, сопоставлять и сравнивать явления окружающего мира, были *бинарные смысловые оппозиции*: «черное-белое», «правое-левое», «мужское-женское», «свое-чужое», «добро-зло» и другие. Почти очевидно, что к их числу принадлежит и концептуальная пара «Запад-Восток», скрепляющая собой миропорядок между восходом и заходом Солнца. Применение бинарных смысловых оппозиций для распознавания разного рода неопределенностей и сегодня позволяет совершать оценочную работу, зачастую связанную с определением, «что такое хорошо и что такое плохо». Отметим, однако, с одной стороны, древнейший, а с другой стороны, детский характер такого познания. И все же как прием анализа оно сохраняет свою продуктивность, особенно в тех случаях, когда способно выходить за пределы жесткой архаической дихотомии и видеть между полярными знаками некую протяженность, континуум значений.

Исключительно ценную работу по определению такого континуума проделал в свое время коллектив исследователей Губернаторского университета штата Гавайи (США). Для изучения особенностей кросс-культурной коммуникации ими были разработаны шкалы ценностей для нескольких культур человечества, в том числе, западной и восточной¹. Этим исследованием было установлено, что самые разные культурные комплексы можно сравнивать по определенному спектру индикаторов, потому что, будучи специфическими и несводимыми друг к другу, они все же состоят из универсальных элементов. В разных сочетаниях и конфигурациях эти элементы образуют кластеры значений, довольно точно отображающих ценностный базис различных образов жизни и стилей взаимодействия. С очень небольшой смысловой коррекцией эти шкалы удалось применить для эмпирического исследования системы ценностей россиян в 1990-х — начале 2000-х годов². Единственное допущение, которое мы посчитали возможным сделать, заключалось в том, что в оригинальном проекте рабочие элементы шкалы присутствовали в контекстах межкультурного взаимодействия имплицитно, подразумевались, а в нашем исследовании они эксплицитованы и предъявляются респондентам для более рациональных когнитивных операций, с целью получить ответы на формализованные и шкалированные вопросы анкеты. Здесь и далее мы приводим некоторые данные прошлых лет, чтобы обозначить отправную точку дальнейшей динамики ситуации, проследить ее генезис.

¹ Ситарам К. С., Когделл Р. Т. Основы межкультурной коммуникации // Человек. Иллюстрированный общественно-политический и научно-популярный журнал. 1992. №№ 2–5.

² Крокинская О. К. Так к какой же цивилизации мы принадлежим? // Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Петербуржцы. Этнонациональные аспекты массового сознания. Социологические очерки / Под ред. З. В. Сикевич. Спб., 1995.

В те годы в общественном сознании остро стояла проблема т. н. «особого» пути России и степени приемлемости для нее «западных» реформ — перехода к рыночной экономике и демократии. Избранный инструментарий как нельзя лучше соответствовал задачам исследования и с социально-политической, и с научной точки зрения, потому что был совершенно свободен от этих мотивов, а значит, не содержал в себе даже намека на предвзятость. В 1994-м и 2000-м годах было опрошено 670 жителей Санкт-Петербурга всех возрастов старше 18-ти лет, выборка квотная, нерепрезентативная. Респонденты отвечали на вопрос: «В какой степени Вы включаете в свою личную систему ценностей следующие факты социальной жизни?» (Табл. 1).

Оказалось, что российская модель системы ценностей, конечно, с известными поправками на столичный город, имеет ярко выраженный смешанный «западно-восточный» характер. В блоке первостепенной важности, хотя и с некоторыми колебаниями по группам опрошенных, в 1994 году заняли приоритетные места такие высоко значимые западные ценности, как *человеческое достоинство, эффективность и качество работы, индивидуальность и личный успех, пунктуальность, образование, мужественность, активность, инициатива* и некоторые другие. Здесь же, перемежаясь с западными буквально через одну, расположены ценности, высоко значимые для Востока — *мир, сохранение среды, гостеприимство, материнство, уважение к старшим* и др. Западной ценностью *уважения к молодежи* и восточная *святость пахотной земли* замыкают блок ценностей первостепенной важности.

Во второй блок по уровню значимости вошли такие первостепенные на Западе ценности, как *богатство, равенство женщин, первенство*. Они получили у наших соотечественников более низкие оценки, чем в западной картине мира, но все же более высокие, чем в восточной (кроме равенства женщин, которое и у нас, и в восточной модели выглядит одинаково второстепенным). Кроме того, оказались мало важными некоторые высоко значимые элементы восточного взгляда на мир. Это *иерархия, коллективизм, карма и религия*. Понятие иерархии — как основы устойчивости социальной структуры и управления в государстве — высоко ценится во всех культурных моделях, у нас же в конце 1980-х — начале 1990-х пребывало на грани почти полного отторжения. Практически отвергнутыми оказались тогда *авторитаризм* (определявшийся в инструментарии опроса как *власть для обеспечения порядка, сосредоточенная у одного человека*) и *национально-расовые признаки*.

По результатам второго среза в 2000 г. удалось установить, что смешанный «западно-восточный» характер выявленной ранее ценностной системы устойчиво сохраняется. Годы продолжения рыночных реформ, несмотря на ряд кризисов, не привели к отторжению «западных» ценностей, подтверждая предположение об их пригодности, приемлемости, органичности для России — по крайней мере, в том случае, когда они сформулированы на инструментальном уровне и не носят пропагандистской политической окраски. Иными словами, когда в семантике и семиотике шкалы отсутствует маркировка «Запад-Восток» и явления оцениваются по их реальному смыслу.

Примечательно, что 1990-е годы совсем не выглядят здесь «лихими», как их стали называть позже. Конечно, это были трудные и полные тягот времена, но в общественных настро-

Т а б л и ц а 1. Динамика кросс-культурных ценностей (коэффициент «К» — среднее взвешенное, значения шкалы от 0 до +3)

	Запад (З) Восток (В)	1994 г.		2000 г.	
		К	Ранг	К	Ранг
Ценности первостепенной важности					
Человеческое достоинство	З	2.79	1	2.80	1
Мир	В	2.69	2	2.77	2
Эффективность и качество работы	З	2.56	3	2.59	4
Сохранение среды	В	2.55	4	2.51	7.5
Индивидуальность, личный успех	З	2.39	5	2.54	5
Гостеприимство	В	2.37	6	2.50	9.5
Женственность, материнство	В	2.35	7	2.64	3
Пунктуальность	З	2.31	8	2.38	13
Образование	З	2.22	9	2.45	11
Уважение к старшим	В	2.18	10	2.52	6
Спасение, помощь страдающим	З	2.06	11	2.42	12
Активность, инициатива	З	2.04	12	2.23	14
Мужественность	ЗВ	2.02	13.5	2.50	9.5
Скромность	В	2.02	13.5	1.96	19
Ценности второй степени важности					
Мощь государства	В	2.00	15	2.51	7.5
Непосредственность самовыражения	З	1.99	16	1.99	17.5
Патриотизм	В	1.82	17	2.15	15
Уважение к молодежи	З	1.76	18	2.08	16
Святость пахотной земли	В	1.74	19	1.78	21
Деньги, богатство	З	1.69	20	1.99	17.5
Равенство женщин	З	1.52	21	1.74	22
Ценности третьей степени важности					
Первенство	З	1.46	22	1.43	24
Карма, зависимость от судьбы	В	1.34	23	1.21	26
Религия	ЗВ	1.31	24	1.61	23
Коллективизм	В	1.24	25	1.34	25
Иерархия	ЗВ	1.18	26	1.79	20
Авторитаризм	В	1.13	27	1.02	28
Несущественны					
Национальность	ЗВ	0.71	28	1.12	27

ниях ощущались и бодрость, и движение вперед, после дефолта экономика начала расти, повышались уровень благосостояния и удовлетворенность населения жизнью в целом. Наблюдалась и благоприятная ценностная динамика. В 2000-м году, по сравнению с 1994, вообще расширяется спектр ценностей первостепенной важности, что можно отнести к результатам активного общественного осмысления самого феномена ценностей в эти годы. В этот период формируется запрос на более организованное и сильное государство (при этом сохраняется тенденция отказа от авторитаризма), растут значения ценностей патриотизма, уважения к старшим, гендерные показатели. Снизилось значение лишь 5-ти позиций шкалы: *сохранение среды, скромность, первенство, зависимость от судьбы и авторитаризм*. Значение остальных возросло, по многим пунктам значительно. Конечно, высокие оценки выставляются не всегда тому, что ценится «по наличию». Нередко они относятся к тому, что только желается.

Таким образом, в постсоветской российской социальной культуре оказались выявлены элементы, свойственные культурам как обобщенного «Востока», так и обобщенного «Запада», в том числе, относящиеся к их сущностным качествам. По своему

содержанию они таковы, что не могут считаться «занесенными» ветром перемен. Это наши собственные, укорененные свойства. Наш собственный «Запад» и наш собственный «Восток». Исползованные в качестве познавательных, а не политических или пропагандистских установок, эти символы помогают увидеть органичность того, что на идеологическом уровне отвергается.

Важно также то, что полученные результаты релевантны именно феномену ценностей, так как респонденты отвечали на прямой вопрос, содержащий это понятие. Разумеется, все сказанное относится к ментальным формам существования феномена и мало что говорит о его регулятивной способности для социальных практик. Но все же отнести полученные данные к ценностным представлениям людей мы можем достаточно обоснованно, так как они легитимированы в этом качестве самими опрошенными,

Конечно, сегодня хотелось бы иметь и более свежие данные, но, скорее всего, в них мало что могло поменяться радикально, во всяком случае, по критериям «Запад-Восток». Далее, по мере предъявления основных тезисов данной статьи, будем обращаться к приведенным выше результатам. Тем более, что они сохранили для нас реальность живых человеческих суждений,

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA
| Другие имена для русской дилеммы «Запад — Восток» |

которые еще не прошли массивной пропагандистской обработки, заставившей общественное мнение снова встать на позиции утилитарной социальной одобряемости, как это происходит сегодня.

Рассмотрим некоторые дополнительные познавательные возможности символической оппозиции «Запад — Восток» по отношению к отечественной культуре.

«Запад» и «восток» как «мужское» и «женское»

Нередко при обсуждении социокультурной идентичности России и национального характера ее народа используется сопоставление двух бинарных оппозиций: «Запад-Восток» и «мужское-женское». При этом «Западное» трактуется как «мужское», а «Восточное» — как «женское» качество. Наиболее явно связывает эти символы Николай Бердяев, тонкий и точный интерпретатор характера и судьбы России как особой культуры, особой цивилизации. Вот как он об этом пишет: «Все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину <...> Россия как самоутверждающийся Восток <...> означает нераскрытость, невыявленность начала мужественного, человеческого, личного, и рабство у начала природно-стихийного, национально-родового, традиционно-бытового». И далее: «Великая беда русской души <...> — в женской пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности»³.

Очевидно, что женским знаком у Бердяева обозначены покорность и подчинение народа власти, причем любовное подчинение, готовность подчиниться: «Русский народ не чувствует себя мужем. Он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет сила»⁴. Мужской знак приписан, таким образом, власти, а также некоторому отсутствующему, но необходимому, рационально организованному, субъектному началу. Его недостаток сказывается в том, что Россия «бессильна сама себя образовать как личность», а мужественное начало — «светоносное сознание», «освобождающее» и «оформляющее» — не раскрывается в самом русском народе, а заимствуется извне. Несоединенность мужественного и женственного в русском характере Бердяев относит к числу тех глубоких противоречий (антиномий), которые он считает самой характерной чертой России вообще, где безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество — вечным застоєм, где безгосударственный по духу русский народ создает одну из самых мощных и беспощадных государственных машин и почти поклоняется ей.

Производит сильное впечатление то обстоятельство, что почти двести лет спустя, эта философская метафора по-прежнему пригодна для описания субъектного статуса современного российского общества. Мы находим этому подтверждение и в повседневной реальности, и в исследовательских данных. Измерение кросс-культурных ценностей (см. выше, Табл. 1) может служить иллюстрацией этого тезиса. В ней находят свое место и несоединенность знаков женственности и мужественности с явным приоритетом первого, и постепенное

восстановление упований на власть после кратковременного ниспровержения ее с пьедестала. Ценностный разрыв между женским и мужским знаками характерен для всех возрастных групп, кроме молодежной, где они идут рука об руку, за что стоит благодарить, наверное, гормональную активность возраста и сексуальную революцию.

Замеры общественного мнения последующих лет и до последнего времени показывают, что в наши дни государственнические, «державные» ценности восстановились почти до авторитарного уровня, причем мужской знак настолько явно приписан одному, вполне конкретному человеку, что в начале его правления для описания чувств народа даже политологи были вынуждены пользоваться словом «любовь» в почти сексуальном смысле. Так вернулся к своей прежней форме комплекс, «воспетый» Н. Бердяевым: «народ — поклонение власти — женственность» и «власть — кумир — мужественность». Немалое признание приносят этому кумиру известные всей стране «индексные выражения» про сортир, мухи и котлеты, обрезание и пр. Но это нравится народу по известной формуле В. М. Шукшина: «Срезал!» Прибегая к мысли Н. Бердяева, и сегодня можно сказать, что «восточное» обожествление и «женское» обожание власти вполне соотносимы с несамостоятельностью общества, чей субъектный статус, то есть уровень активности, рациональности, автономии, солидарности, диалога, — все еще крайне низок, а подчинение власти, вплоть до преклонения перед нею, все еще велики.

Конечно, использование метафоры в качестве познавательного инструмента весьма ограничено, ведь она — лишь образ, который нельзя верифицировать. Но в информационно-семiotическом пространстве общества, в пространстве культуры, имеют реальное значение и образы. Чтобы понять какое, следует попытаться если не верифицировать метафору «мужское-женское» по отношению к обществу, то, по крайней мере, выявить ее более рациональные социальные смыслы.

Такую возможность дает гендерный подход, который плодотворно работает в современной социологии, антропологии, культурологии. Он помогает нам различать «мужские» и «женские» (маскулинные и фемининные) аспекты разных культур, а также более целостные модели социального устройства — маскулинные и фемининные общества, отличающиеся друг от друга по преобладающим соционормативным образцам и доминирующим типам мышления, поведения, ценностных ориентаций⁵. Вот, например, как выглядят некоторые социальные нормы с учетом такого взгляда (Табл. 2).

На первый взгляд, концепты Г. Хофстеде находятся в глубоком противоречии с представлениями Н. Бердяева, согласно индикаторам Хофстеде Россия должна быть отнесена к ярко выраженным маскулинным обществам. Однако, рациональное зерно есть у обоих. Н. Бердяев говорит о народе, и «народные» идеалы определенно близки приведенной фемининной модели, тогда как Г. Хофстеде оперирует понятием «общество», что предполагает более рациональную форму существования общности. В ее отсутствие квинтэссенция маскулинных ориентаций, запечатленных в таблице, отражает, скорее, доминирующие принци-

³ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С.22–29.

⁴ Там же. С. 39, 47.

⁵ См.: Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 110–113.

Т а б л и ц а 2. Некоторые ценностные ориентации современных фемининных и маскулинных обществ (по Гирту Хофстеде)¹

Фемининные общества	Маскулинные общества
Общая норма	
Господствующие ценности в обществе — забота о других и стабильность	Господствующие ценности в обществе — материальный успех и прогресс
Важны люди и теплые отношения	Важны деньги и вещи
Все должны быть скромными	Мужчины должны быть напористыми, честолюбивыми и крутыми
Симпатия к слабым	Симпатия к сильным
Секс и насилие в СМИ запрещены	Секс и насилие широко представлены в СМИ и на ТВ
В политике	
Идеал общества всеобщего благоденствия	Идеал общества высших достижений
Терпимое общество	Строгое, карающее общество
Высший приоритет — сохранение среды	Высший приоритет — поддержание экономического роста
Конфликты должны разрешаться путем переговоров и компромиссов	Конфликты должны разрешаться путем демонстрации силы или путем борьбы

¹ Hofstede G. and Associates. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. Sage Publications. 1998.

пы власти и управления в России, чем качества общества. Опять получается, что женский и мужской знаки распределены в нашей культуре асимметрично: для народа — женский, для власти и управления — мужской. Перефразируя Н. Бердяева, можно сказать: в том-то и дело, что «народ» никак не преобразуется в «общество», а все творит для себя властных, мужественных кумиров, восполняя нехватку этих качеств в самом себе.

Если принять во внимание полный набор ключевых ориентаций Г. Хофстеде (а в Табл. 2 приведен лишь небольшой фрагмент), то станет ясно, что в рамках данной модели в фемининных обществах преобладают чувственные, эмоциональные, пассивно-созерцательные, образные формы мышления и поведения, а в маскулинных — рациональные, агрессивные, целевые и деятельные формы. А это обстоятельство, в свою очередь, адресует нас к дихотомии «правого» и «левого» в функциональной асимметрии мозга и способах его работы с информацией.

«Восток» и «Запад» как правое и левое

Явление функциональной асимметрии мозга изучается сегодня многими областями знаний о человеке: медициной, психологией, психиатрией, нейропсихологией, нейролингвистикой, этнологией, культурологией. Будучи одним из достижений геннокультурной (биосоциокультурной) коэволюции, способность мозга по-разному обрабатывать информацию служит человеку важнейшим адаптивным средством существования в сложной семиотической среде с большим количеством разнородных сигналов. Известно, что конкретно-чувственные «правополушарные» и рационально-логические «левополушарные» средства мышления, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают человеку целостное, разностороннее представление о мире. Несколько упрощая, можно сказать, что различие в ментальных операциях обоих полушарий до некоторой степени коррелирует с обыденно понимаемыми гендерными различиями в типах мышления и поведения⁶. Таким образом, у

метафоры «мужское-женское» как качества народа и культуры обнаруживается реальная подоплека — структура функционирования мозга и нейронной системы, а также их «продукция», имеющая социальную природу: поведение и средства мышления, то есть *способы интерпретации, алгоритмы и модели построения суждений*. Тогда метафору русского как «восточного» и «женского» можно дополнить представлением о мышлении с правополушарной доминантой. Выстраивается цепочка знаков: «восточное» — «женское» — «правополушарное».

Подобное сопоставление также представляется возможным проверить. Связь «правополушарного» и «восточного» подтверждается некоторыми данными нейропсихологии, нейросемиотики и культурологии. Известны исследования, согласно которым у японцев и других народов, населяющих острова Тихого океана, относительно меньше выражена левополушарная асимметрия, что связывается с социально-историческими и культурными традициями, в особенности, с иероглифическим характером письменности⁷. Очевидно, иероглифическое и алфавитное письмо каждое по-своему «тренируют» деятельность мозга, специализируя его на восприятии тех и других видов знаков. Распознавание значений преимущественно в иероглифическом изображении, несущем сложные и целостные смыслы, развивает правое полушарие мозга, дающее целостный образ мира, сопряженный с эмоционально-чувственной сферой поведения, а распознавание значений, выраженных алфавитным письмом, происходит при посредстве конструкций из слов и букв, то есть дробных, дискретных и абстрактных единиц, лишенных собственных значений, и вследствие этого развивает аналитическое, рационально-логическое левое полушарие. О том, что разные участки мозга можно с помощью разного рода ментальной и предметной деятельности в полном смысле слова физически тренировать, говорят нейрофизиологические исследования последних двух десятков лет⁸.

сирован, ему равно доступны и право- и левосторонние методы обработки информации, однако цивилизация только начинает массово востребовать эти способности для решения важных проблем эпохи. Поскольку эффективность такого типа мышления ныне очень высока, его исторический расцвет еще впереди.

⁷ Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотический подход к знаковым системам искусства // Человек в системе наук. М.: Наука., 1989. С. 351–361.⁸ Тулинов Д. Изменяемый мозг // http://www.strf.ru/material.aspx?d_no=24713&CatalogId=353&print=1

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA
| Другие имена для русской дилеммы «Запад — Восток» |

Иными словами, «восточная» ментальность сопрягается с «женской» не только «по Бердяеву», но имеет и биосоциальную основу — специфическую работу мозга по типу, близкому к женским способам восприятия и мышления из-за более сбалансированной работы полушарий и отсутствия ярко выраженной доминантности правого или левого.

«Восток» и «Запад» как мифологическое и рациональное

Чтобы сопоставление таких разных фактов, как эмпирические данные современного социологического измерения ценностных систем, философская концепция Н. А. Бердяева и наблюдения, сделанные в других гуманитарных и естественных науках, не выглядело притянутым за уши, потребуется некоторое обобщение.

Представляется, что суть дела заключается в общих закономерностях и особенностях развития знаковых систем в разных культурах. К их числу принадлежат: *тип письменности* (алфавит или иероглифика), фатальным образом сопряженный с возможностью тех или мыслительных операций (Вяч. Вс. Иванов⁹, связанный с ними *тип мышления*, а также вырабатываемые с их помощью *объяснительные системы* — парадигмы, картины мира: мифологическая, теократическая, научная, обыденная и другие. У разных культур или на разных этапах развития одной культуры может преобладать одна из двух, существенно разных, установок на обработку информации и отношение к действительности — сознательная или бессознательная, рациональная или мифологическая, «левополушарная» или «правополушарная» (Ю. М. Лотман¹⁰).

Таким образом, в разных культурах возникают, воспроизводятся и практикуются не только разные типы представлений о мире, но и *разные способы построения суждений*, включая элементарные когнитивные операции, производимые в ходе *семиозиса* — процесса интерпретации знака и производства значения¹¹. Характер семиозиса формируется под влиянием определенных правил, и поэтому он воплощается в массовых культурных практиках, которым обучают в ходе социализации, которые подвергают социальному контролю, отбору и кодификации. Иными словами: не только значения, но и правила производства значений, правила чтения знаков обладают культурной спецификой, поскольку любая интерпретация может быть произведена лишь в коммуникации со всей семиосферой данной культуры. Таким образом, культурная специфика социума образуется из предпочтения тех или иных мыслительных операций, которые связаны с определенными способами обработки информации и сопрягаются с определенными предписаниями в поведении. Можно в основном «на глаз и на авось», а можно по преимуществу взвешивать и анализировать. Можно, как князь Владимир, выбрать православие по эстетическим и эмоциональным критериям, за красоту и чувства, а можно, как Генрих Наваррский, сменить веру, потому что это оказывается политически выгодно («Париж стоит мессы»). И то, и дру-

гое судьбоносно, и то, и другое по-своему продуктивно. И то, и другое закладывает архетипы культуры — глубинные, часто неосознаваемые традиции, которые потом трудно изменять, даже если это очень нужно.

Объясняя на этой основе наличие в русской ментальности элементов «западного» и «восточного» типа, мы получаем право интерпретировать их не просто как сходство с конкретным Западом и Востоком или их непосредственного влияния на российскую культуру в процессах исторического взаимодействия, но и как аутентичное явление, которое образовалось путем самозарождения, имеет основания в природных условиях, хозяйствовании и культуре. Основные характеристики ментальности формируются адекватно этим обстоятельствам, так как сопровождают и обслуживают конкретную деятельность людей. С этой точки зрения становится понятно, что в огромной, по преимуществу аграрной России, почти до конца XIX в. сохранившей полуфеодальный строй, уравнительную общину и авторитарное государство (черты, характерные для аграрных обществ и азиатских государств), русская ментальность формировалась во многом по «восточному» типу. И это наш собственный «Восток», отражение нашей истории. Вместе с тем, как показано выше (Табл. 1), столь же ярко в ментальности наших соотечественников выражены подходы рационального, действенного характера с сильным акцентом на индивидуальность, самостоятельность, активность, успех, иными словами — «западно» ориентированные нормы. Причем это тоже наш, а не заимствованный «Запад», в течение веков подавляемый, но живой.

Принятие Русью христианства в «восточной» византийской традиции, скорее всего, изменило какие-то древние установки славянской ментальности. О характере этих изменений судить трудно, но известно, что вместе с православием пришел идеал «тихости, благообразия, благолепия и благочиния». Как пишет А. М. Панченко: «Пастыри учили русский народ жить, «косня и ожидая», восхваляя косность даже на государственной службе»¹². Чем не буддистское «недеяние»? Однако, — продолжает он, — в повседневном обиходе испокон веку на Руси восхвалялись «делатели» и осуждались «ленивые, сонливые и невандаливые», а начиная примерно с XVII века еще до петровских реформ и как бы подготавливая их, «стало цениться новое — то, чего не бывало прежде <...> поколебался идеал созерцательного, привыкшего «крепкую думу думати» человека, вытесняемого человеком деятельным»¹³.

Известно, что восточная и западная ментальность начали отдаляться друг от друга из некогда общей точки мифологического мышления, но одна из них, западная, порвала с ним связи довольно решительно (хотя, как считают психоаналитики, «задвинула» их в подавленном состоянии в область бессознательного, откуда они и мучают психику цивилизованного человека), а вторая, восточная, на полный разрыв не пошла, ибо для ее сверхзадачи — сохранения самотождественности — преобразовательный порыв разума был смертельно опасен. С этого момента в Западной культуре стали нарастать рациональные «левополушарные» механизмы, а культура Восточная сохрани-

⁹ Иванов Вяч. Вс. Ук. соч.

¹⁰ Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х тт. Т. 1. Таллинн, 1992.

¹¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2001. С. 250–256.

¹² Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука. 1984. С. 6.

¹³ Там же.

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA
| Другие имена для русской дилеммы «Запад — Восток» |

ла преобладание «правополушарных», в основе своей мифологических. Таким образом, «восточные» тенденции в массовом сознании россиян можно понять как следы вполне сохранного и обширного атавизма мифологического мышления, а «западные» имеют общие с европейским путем развития корни рациональности.

Довольно ярко живой мифологизм мышления современных россиян проявился у участников представленного выше исследования в ценностном отношении к земле. В разных возрастных группах по-разному, но в целом по выборке около 60% опрошенных в Санкт-Петербурге придали символу «святость пахотной земли» значение I и II степени важности. Тем самым они засвидетельствовали, что ощущают нерасторжимую связь с землей-кормилицей и испытывают чувство зависимости от нее. Очевидно, здесь сказалась древнейшая традиция воспевания, одухотворения и поклонения плодоносящей силе земли, а также распространение этого архетипа из области сельскохозяйственной культуры в национальный фольклор и в систему мировоззрения русского народа в целом. Это очень симпатичное качество, однако мифологическая тенденция распространяется на область не только поэтического, но, бывает, и политического отношения к действительности. Так, Аграрная партия России на протяжении многих лет использовала в борьбе с земельной реформой следующий тезис: «Земля — наша Мать. Матерью-Землей торговать нельзя». В этом суждении — прямой расчет на неразмысляющее, не склонное к анализу, неразвитое мышление; на то, что синкретическая склейка двух разных типов отношений во что-то неразличимо цельное может перенести эмоционально и ценностно заряженный культурный символ в область политики, тем самым повлияв на нее во вполне определенном направлении. Следует признать, что действительность манипуляторских приемов такого рода потенциально велика, ведь они эксплуатируют не что иное, как бессознательное нашей культуры, ее глубинные, неосознаваемые архетипы: даже у жителей крупного города отношение к Земле как святыне широко распространено, а в провинции и сельской местности этот показатель, конечно, еще выше. И как может быть иначе, если бытие современного человека, уже живущего в окружении невероятных, фантастических технологий XXI века, до сих пор включает в себя на правах и увлечения, и реального элемента жизнеобеспечения непосредственную ручную работу на земле любимой дачи и даже первобытное собирательство грибов и ягод в лесу.

Т а б л и ц а 3. Национальная идентичность в цивилизационном контексте. 18–25 лет, % от числа опрошенных, среднее взвешенное в интервале значений от 1 до 4; ранги.

	Чувство близости				Ср. взв.	Ранг
	высокое	среднее	низкое	отсутствует		
Россия в целом как страна, как определенная цивилизация	52	33	4	3	3.33	1
Народ, к которому принадлежит семья	46	30	15	9	3.12	2
Глобальное человечество	18	55	6	9	2.82	3
Интернет-сообщество	39	18	8	18	2.79	4
Европа как определенная цивилизация	18	46	4	24	2.58	5
Другие народы России	–	24	13	33	1.91	6
Америка (США) как определенная цивилизация	–	24	6	58	1.67	7
Азия как определенная цивилизация	–	15	9	55	1.59	8

Вполне живая архаика характерна также для отношения людей к государству. В сознании даже молодых людей оно имеет явную патерналистскую окраску, мыслится не институционально, а персонально, что позволяет ему существовать в архаической форме режима личной власти, а обществу — в инфантильном статусе опекаемого. На власть и государство переносится вся ответственность за положение дел в стране и обеспечение граждан всевозможным благами, которые те хотели бы потреблять. Они согласны видеть в государстве верховного распорядителя судеб народа и страны. Мифологизируется и образ верховной персоны, причем годы реального правления и возможность рационального отношения к делам и поступкам мало меняют характерные сказочные ипостаси. Образ Героя-избавителя¹⁴ со временем эволюционировал в образ Отца-хозяина, ведающего обо всем непосредственно, но не более того. И общество (как народ) спокойно относится к усилению сложившегося режима персональной власти, нарушениям буквы и духа Конституции, когда не только на долгие годы удлиняются сроки правления какой-то одной группировки, но и нарушаются права общества на ее смену, ибо она фактически не избирается, а передается по наследству.

«Запад» и «Восток» как «открытое» и «закрытое»

Итак, движение от метафоры «западного» и «восточного» к символике «мужского» и «женского» в культуре позволило приблизиться к более точным представлениям науки о «правом» и «левом» в нейрофизиологии и нейросемиотике, а также о мифологическом и рациональном в сознании. Оказалось, что за ними скрыты лево- и правополушарная специфика обработки социальной информации, специфика семиозиса. Они указывают на продолжение коэволюции культуры и общества, в частности, влияние когнитивных средств культуры на социальное развитие.

Развиваясь от образа — к смыслу, от мыслечувственной синкретики — к синергетике рационального и чувственного без утраты способностей каждого, идет становление челове-

¹⁴ Подробнее об этом см.: Крокинская О. К. Социальное бессознательное и социальное развитие // Сикевич З. В., Крокинская О. К., Посель Ю. А. Социальное бессознательное. СПб.: Изд-во Питер, 2004. С. 14–98. См. также: Крокинская О. К. Культура и структура: институционализация мифа. Петербургский миф в социальных практиках города // Человек и общество. Сборник научных трудов НИИКСИ при СПбГУ. Вып. XXXI. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 157–183.

ского мышления. Вместе с ним движется социальная эволюция. Совершенно не случайно на когнитивной базе рационального мышления государства Западного мира раньше других сформировали открытые общества, а восточные государства на своей когнитивной базе еще не полностью расстались с закрытыми общественными системами. Как и все другие народы, хотя каждый в свое время и по-своему, народ России участвует в растянувшемся на тысячелетия и еще не закончившемся переходе от племенного общества с его мифологическим мышлением и подчиненностью магическим силам — к обществу, опирающемуся на рациональную сущность человеческого разума, как это понимал Карл Поппер¹⁵. Впрочем, мы теперь знаем, что пан-рациональность индустриального общества уже почти закончилась, и постиндустриальная эра вносит в эту траекторию свои, весьма существенные и неожиданные поправки.

И все же если «западное» позиционирование в ценностях можно понимать как ориентацию на активно-достижительные, структурно организованные и рациональные качества социального устройства, а «восточное» — как ориентацию на самоотходность, традицию, стабильность, консерватизм и патернализм¹⁶, тогда сочетание этих мотивов в ценностях наших соотечественников, возможно, указывает на наличие и распространенность двух жизненных стратегий — «открытого» и «закрытого» типа, соответствующих стандартам «открытого» и «закрытого» общества, а также гражданскому и патерналистскому типам общественного устройства. Они могут быть типичным атрибутом социальных практик по-разному ориентированных групп общества, характеризовать стереотипы личностных установок или даже применяться ситуативно, по случаю, одними и теми же социальными агентами.

Сегодня трудно испугать людей рынком и даже капитализмом, несмотря на их, порой глубокие, кризисы. Потребление «по западному типу» еще очень сильно мотивирует людей. Технические достижения цивилизации расходятся «на ура». Реальное знание о любой стране мира, в том числе, о жизни в странах Запада, абсолютно доступно. Вот почему мы видим определенную готовность национальной идентичности принимать в себя какие-то черты, сближающие ее с другими цивилизационными образцами. По крайней мере, для молодых поколений это довольно заметное явление. В опросе 2009 года респонденты отвечали на вопрос: «К каким историко-культурным сообществам и в какой мере Вы чувствуете свою близость?» (Табл. 3).

По результатам измерения мы видим, что кроме признаков, характеризующих внутреннее, аутентичное пространство («я-мы-свой»), идентичность современных молодых людей включает и обширные внешние слои, которые, как минимум, участвуют в самоопределении, а как максимум, уже вошли в него. Хорошо заметны три слоя образовавшейся структуры, подтверждаемые соотношением величин коэффициента «среднее взвешенное»: 1) внутренне ориентированное ядро «Россия — свой народ»; 2) довольно значимый средний слой, соединяющий эндогенные структуры идентичности с экзогенными: «глобальное человечество — Интернет-сообщество —

Европа»; и 3) более дистанцированный слой возможных точек притяжения: «другие народы России — Америка — Азия». Итак, национальная идентичность представляет собой полиструктурное образование, в котором ориентация на «Запад» и «Восток» представлена значительно более сложно, чем предполагает простая дихотомия. Так, «Запад», символизированный Европой, и присутствующий, очевидно, в образах глобального человечества и Интернет-сообщества, выглядит сильнее, чем в североатлантической американской ориентации, и тяготение к нему выражено значительно более явно, чем к «восточному» азиатскому.

Существование «закрытых восточных» и «открытых западных» стратегий, особенно если они успешны и приводят к желаемому результату, скорее всего, свидетельствуют также о сосуществовании эволюционно разнородных пластов социальной жизни, в одном из которых оказывается вполне работоспособной неизжитая социальная архаика. Там, по удачному выражению Э. Радзинского, «идет упорная работа старины». Сохранность архаических пластов в структуре современности — одна из самых существенных и сакраментальных особенностей нашей культуры.

«Восток» и «запад» как архаика и современность: эволюционные дисфункции

Обсуждая дилемму «Запад-Восток» с точки зрения культурной идентификации, мы оказались в пространстве регулятивных средств общества — социальных норм, ценностей, образцов мышления, поведения, способов интерпретации и т. д. Мы увидели также их существование в виде двух социокультурных и историко-культурных комплексов, векторы которых различны. Одного, условно говоря, «восточного» — на самосохранение и тождество, а второго, условно говоря, «западного» — на изменение и развитие. Очевидно, что и те, и другие так или иначе присутствуют в истории народов и стран, но на разных этапах эволюции и в разных состояниях социальной системы они бываю либо уравновешены, либо разбалансированы — в сторону развития или в сторону стагнации. Можно говорить также об эволюции самих регулятивных систем, когда в качестве адаптивных и эффективных средств существования отбираются, предпочитают, и поддерживаются либо одни, либо другие системы правил. В российской действительности, при том, что на протяжении более чем трехсот лет страна находится в процессе «рецидивирующих модернизаций»¹⁷, разбалансированность правил — едва ли не норма, часто они мешают друг другу и работают «на разрыв» системы, не позволяя завершить даже назревшие реформы. В свою очередь, незавершенность реформ ведет к тому, что в системе продолжают сохраняться обширные анклав архаических социальных форм и средств социальной регуляции. Об этом пишут многие современные ученые, представляющие разные области знания — историки, экономисты, культурологи, социологи, политологи (И. Пантин, Ю. Пивоваров, А. Ахиезер, Д. Альшиц, А. Аузан, Д. Орешкин, Л. Шевцова и другие). Эти обстоятельства во многом являются источником уникального цивилизационного характера нашей страны.

¹⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М.: Культурная инициатива. 1992.

¹⁶ Брагинский В. И. Востоковедение // Культурология XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997.

¹⁷ Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал, 1999.

Действительно, Россия живет во многих временах и нескольких эпохах одновременно. В ее характере сосуществуют элементы, относящиеся к исторически различным этапам эволюции общества и мышления. Присмотревшись, мы найдем здесь анклавы образов жизни, характерные для всех известных базовых социальных форм: от первобытного собирательства грибов и ягод в лесу до сетевого бизнеса — при этом включая рабовладение в хозяйствовании (последний из известных случаев — 2005-2010 гг., станица Кущевская Краснодарского края), феодализм в управлении (в том числе, государственным), капитализм в производстве, социализм в политике и мировоззрении. Переходя от одной социальной формы к другой, страна явно не доводит до конца соответствующие культурные циклы, не желает прощаться с опытом и практиками предшествующей формации. Так, нельзя считать завершенным даже переход от общины к обществу («гемайншафт» и «гезельшафт» Ф. Тенниса), не говоря уже о разделении властей, отделении собственности от власти и общества от государства. Эволюционный процесс отбора наиболее эффективных форм выживания и приспособления имеет у нас ту особенность, что в нем, как у гогаевского Осипа из «Ревизора», ничто не пропадает: «веревочка? — пригодится и веревочка». Структуры, институты, методы, подходы, казалось бы, отработавшие свое, не отбрасываются, а сохраняются, часто во вполне работоспособном состоянии. Более того, случается, что именно эти структуры берут на себя решение задач более поздних периодов, если для них не создано соответствующих правил или они находятся в дисфункциональном состоянии. На всех уровнях общества — институциональном, корпоративном, групповом система часто функционирует не за счет предназначенных для этого ресурсов (предписанного нормативного устройства, финансов, технологий, контрактов), а за счет адаптивных способностей людей, их готовности приспособиться к заданным условиям и каким-то образом действовать — пусть даже в обход неработоспособных, непродуктивных норм. То есть действовать на базе неформальных, конвенциональных систем регуляции.

Нечто подобное произошло в эволюции организмов: в них также сохранились все достижения в наращивании регулятивных систем — от молекулярных (генных и гормональных) до рефлексивных, включая регуляцию на уровне жидких сред (кровь, лимфа), нервную систему, психику, а у человека также сознание (культурные ограничения, целеполагание) и самосознание (самоизменение на основе рефлексии, духовные практики).

Обширные конгломераты неформальных образцов поведения неизмеримо более разнообразны и гибки, чем формальные системы. Они обладают большим числом *флексий*, то есть способностей подстраиваться под требования среды и ситуации. Кроме того, они мало поддаются контролю как в силу своего принципиально теневого характера и сознательного сокрытия сути, так и в силу значительно более древнего происхождения, соответствующего временам неразвитости формальных правовых систем, а значит, и осознаваемых ограничений. Все это определяет широчайший спектр возможностей неформальных средств регуляции: от простой адаптации к изменениям до перехвата «законных» институциональных функций общества и замещения их теневой и коррупционной деятельностью. Практически весь спектр — на базе высокой креативности неформального поведения.

Этот, пока лишь слегка обозначенный, феномен заслуживает отдельного термина. Назовем его «полиструктурация», имея в виду сопричастие на каждом временном отрезке всех предыдущих, качественно различных слоев структурного оформления социального бытия (в смысле Э. Гидденса). Получается, что формации фактически не сменяют друг друга, а срastaются друг с другом, образуя симбиозы эволюционно последовательных, а значит, культурно, в том числе, идейно неоднородных социальных структур. Культуре это, может быть, и не вредит. Она всеядна, вбирает в себя и хранит все продукты человеческой деятельности, несет их в своем потоке. Однако социальные практики культуры, приносящие результаты, имеют обыкновение превращаться в устойчивые и даже жесткие правила. При благоприятных условиях они разрастаются, генерируют целые сети таких правил и основанных на них человеческих отношений. Случается, что они покрывают собой такие пространства социума, что изменение их становится почти невозможным, потому что затрагивает интересы слишком многих участников. Будучи культурно и идейно неоднородными, подобные нормативные комплексы вступают в противоборство между собой и создают напряжения во всей конструкции, во всей системе социальных норм общества.

Это теневая самоорганизация, и она не может преодолеть противоречий в самой себе. Вот почему для их разрешения рано или поздно она начинает нуждаться во власти, заставляя людей действовать «через зонтик» — через «верх», через «крышу» во всех смыслах этого слова, через близлежащую и верховную власть. Понятно, что путем просьб, жалоб, доносов, подношений, взаимных услуг и других видов «человеческих» отношений. Ими подменяется необходимая рациональная социальная деятельность формального, контрактного характера, которая составила бы основу структурации для общества эпохи модернити. Фактически мы не достроили даже модерн, а надо уже двигаться дальше.

Незавершенность модерна как эволюционная дисфункция позволяет существовать в нашей стране таким видам социальной архаики, как:

Институционально: преобладание неформальных практик, ведущее к разрастанию теневой сферы общества; несформированность институтов «модернити», прежде всего, социальной субъектности — групповой и индивидуальной, т. к. доминирующим субъектом действия остается власть («моносубъект власти»¹⁸); в целом, недостаточная дифференциация, а значит, и недоразвитие многих социальных форм: индивидуальности, группы, собственности, автономии, правопорядка; вследствие этого — круговая порука, дурно понимаемая «честь мундира», слабость индивидуальной ответственности, замена ее коллективной безответственностью, авторитарный синдром, патернализм и инфантильность общества — все эти формы неизжитого и неправомерного «гемайншафт» на месте «гезельшафт» должны быть поняты и оценены именно как архаика.

В ментальности: недоразвитие рациональных средств конструирования и интерпретации внешнего мира: синкретизм

18 Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et contra. Том 4. № 4. Осень 1999.

представлений, мифология, стереотипы, неготовность сопротивляться манипуляциям, бессознательное на месте сознания.

И то, и другое — дисфункции развития. И то, и другое — представительство «восточных» и «правополушарных» механизмов в культуре, непосредственно связанных с парадигмами эссенциализма и холизма, то есть такими подходами к интерпретации действительности, когда в качестве преобладающей объяснительной схемы выступают понятия «общего» и «целого», которым, кроме того, придается статус реально существующих явлений. Известные в философии и социологии, эти методологические установки весьма присущи русской культуре и в повседневности — как рабочие схемы обыденного сознания, обыденной рефлексии. Дело осложняется тем, что сохранность архаики, которая в данном случае представляется как «восточная» направленность, женственность, «правополушарная доминанта» — это имена тех наследственных ментальных инструментов, которые во многом обеспечили уникальные особенности русской культуры и русского национального характера — эмоциональность, почитание красоты и духовных идеалов, повышенную чуткость к несправедливости, склонность к идеализму и утопии, громадный творческий потенциал.

Почему культурно неоднородные и конфликтующие структуры современности и архаики сохраняются в нашей системе? Потому что не утрачивают своей продуктивности в репертуаре приспособительных средств общества. Более того, они придают системе устойчивость, могут выступать в качестве компенсаторных механизмов. Но в ситуации радикальных перемен и цивилизационных переходов такая страсть к самоподтверждению, испытывающая слабость к традициям, способна только совершать возвраты. И вот вам сакраментальные «грабли», на которые мы «опять наступаем».

Культурная неоднородность структур и правил сопровождается соответствующей организацией семиотического пространства и ментальности, пребывающих в состоянии «тэгов» — смысловых облаков, не связанных между собой в общую культурную конструкцию. Впрочем, еще неизвестно, что здесь первично, ведь гетерогенность семиотического пространства и культуры есть фундаментальное условие их существования¹⁹ и оно, несомненно, делает свое дело в процессах социального конструирования реальности. Так или иначе культурно гетерогенные структуры — неоднородные, амбивалентные системы правил — сопровождаются столь же гетерогенным семиозисом в условиях этих правил. Способы чтения знаков, конструирования смыслов, образования значений, построения суждений в высшей степени вариабельны и не привязаны жестко к тому, что они интерпретируют. Отсюда — специфическая, полная внутренних противоречий, разнонаправленная, всеядная поликультура. Но и «полиадаптация» — способность и готовность конструировать поведение любым возможным способом, перенимая, приспособлявая, перетолковывая и обходя и нормы, и правила, коль скоро действие в обход или вопреки норме дает успешное решение («Голь на выдумки хитра»). Гибкость такой адаптации одновременно продуктивна и негативна, так как в

¹⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. Том. VI. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 282–303.

последнем случае часто идет за счет морали²⁰. Она вообще часто выглядит как прямой и массовый аморализм, так как санкционирует рациональную выгоду двоемыслия, приспособления и приспособленчества.

Не чем иным как амбивалентной структурой правил (что обычно называют «расколотым сознанием», но что, на самом деле, не столько расколото, сколько всеядно) объясняются многие печальные факты нашей истории, когда с идеалами святости вполне сочетается восторженное разрушение храмов, почитание героев — с расправами в отношении вчерашних кумиров, требования честности и порядочности — с всеместной и всех соединяющей ложью, почти религиозное отношение к земле-кормилице — с изуродовавшим ее хозяйствованием. Приемлемо все. Сохранность амбивалентного «слоистого семиозиса» — двоедушия, двоемыслия, расколотого сознания дает в результате расколотую личность и этим вносит патологию в структуры социального поведения. А далее все это ведет к искажениям в институциональном устройстве и химерическому строению общества как такового. Ведь на разных уровнях социальной структуры, в разных социальных средах и контекстах такая неформальная личность (а возвращаясь к Н. Бердяеву, — и Россия, «бессильная сама себя образовывать как личность со «светоносным сознанием») легко принимает правила каждой отдельно взятой ситуации, худо-бедно адаптируется к ней и уродливо, но удобно, существует в условиях каждый раз отдельной, частной, частичной целесообразности. Что исключает необходимость рефлексии общих императивов добра и зла, позволяя существовать ценностным химерам.

В заключение

Выше говорилось, что концептуальная пара «Запад-Восток» принадлежит к числу древнейших, архетипических бинарных оппозиций осмысления и познания действительности. В ней отображается понимание мирового порядка, неизбежного, пока солнце всходит на востоке, а заходит на западе. А если наоборот? И становится понятно, что пара «Запад-Восток», действительно, может быть ценностным мерилем в пространстве чуть ли не жизни и смерти и, в общем, нет ничего удивительного, что такой сильный критерий когда-то мог участвовать в определении позиций и расстановке сил. Но сегодня?

Оба случая социологического измерения явлений «западного» и «восточного» в отечественной социальной культуре, приведенные выше, показали, что в реальном мироощущении людей, в их ценностных установках есть признаки и того, и другого рафинированного комплекса. Более того, они вполне аутентичны для отечественной культуры и не могут отторгаться по сути. Однако чаще они не идентифицируются соответствующим образом, не распознаются как исконно свои качества, а применяются для предзаданного прочтения практически любого текста на языке идеологической схемы.

Надо снять со слов «восток» и «запад» эту эссенциалистскую нагрузку. Нет никакого «востока» и «запада» в том смысле, в ко-

²⁰ Крокинская О. К. Народная теория нормативного нигилизма и проблема нравственности. — Доклад на III Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: пути взаимодействия» (Москва, 21–24 октября 2008 г.) http://www.isras.ru/publications_bank/1228050590.pdf

тором они существуют в дискуссиях по обозначенной дилемме. Есть географические понятия и есть страны, расположенные на востоке и западе от нулевого меридиана. Действующими лицами экономики, политики и культуры являются социальные агенты разного уровня — группы, компании и другие организованные общности, а также отдельно взятые индивиды, известные и совсем не известные — все те, кого можно назвать субъектами деятельности. Это между ними, а не между понятиями, происходит диалог и взаимодействие, по неизбежности, знаковые, то есть имеющие содержание, оперирующие культуросообразными смыслами. Конечно, есть и внесубъектные влияния — в процессах диффузии культурных образцов, которые распространяются в сетях социального взаимодействия и по каналам коммуникации «сами по себе».

Все это вполне понятно даже на уровне здравого смысла, тем более, по результатам исследований. Но вольно или невольно мифологизированное сопоставление, особенно в формате «мы и они» — оживляет древние страхи. И вот уже в общедоступной информационной среде циркулируют полные ксенофобии рассуждения о Западе как источнике всех зол и страданий нашего народа. В них намеренно эксплуатируются настоящие глубинные ментальные стереотипы, которые, будучи почти фрейдовскими бессознательными установками, буквально фрустрируют рациональную сферу. «Идет упорная работа старины», которая с большим трудом поддается даже простой проблематизации, не говоря уже о рефлексии. Нередко выясняется, что в борьбе с ментальными стереотипами даже университетское образование терпит поражение. При этом всё, что касается благ, принесенных с Запада, безусловно принимается, а кургузое, заштампованное идеологизированное мировоззрение остается. Мы воочию убеждаемся, как присутствие жупела «запад» в информационно-семиотическом пространстве общества («жупел» — нечто страшное, отталкивающее; первоначально — горящая смола, предназначенная для грешников в аду), как минимум, искажает образ действительности даже у молодых людей, а как максимум, ведет к социальным патологиям, потому что мешает вырабатывать рациональные средства социального развития и диалога. Вот когда традиции, суть которых перестала осознаваться, превращаются в формальные ритуалы, становятся, по выражению итальянского философа Ремо Бодей, «жировыми подушками» культуры и только потребляют энергию общества, противостоя инновациям и свободе²¹.

²¹ Бодей Р. Политика и принцип нереальности / ПОЛИТ.РУ / Публичные лекции / <http://www.polit.ru/lectures/2005/04/27/bodei.html>

Неблагодарное занятие — посягать на традиции. Но что же делать, если у этих жестких слов есть резон. Энциклопедический словарь «Славянская мифология» сообщает нам, что смысловая оппозиция «Запад-Восток» в ряду других бинарных оппозиций сопрягается в понятиями добра и зла. Что смысловая символика Востока в этих противопоставлениях — святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизненность и изначальность, а Запада — духовная нечистота, несправедливость, бедствие, смертность, окончание; что, по представлениям русских, Восток — жилище Бога, а Запад — сатаны; что, по польским верованиям, если все время идти на восток, то можно дойти до рая, а если на запад — до ада²². Возникает вопрос, что же в нашем современном отношении к проблеме идет от геополитических и культурных расхождений, а что — от архетипической символики первобытных солярных культов, ибо восток и запад в этих представлениях олицетворяют не что иное, как мистику появления и исчезновения солнца, а вместе с ним — дня, света и тепла. В век, когда само существование жизни на Земле поставлено в прямую связь со способностью людей объединять свои интеллектуальные и духовные усилия, мы не можем быть пугалом в глазах изумленного человечества, выходящим на арену всеобщего взаимодействия с убеждениями, в основе которых — племенные культы.

Анализируя символику, мы не боремся ни с Востоком, ни с Западом как персонализированными силами культуры и политики. Мы боремся с первобытными страхами и ксенофобией, которые не позволяют нам быть самими собой. Но «если осмелиться быть», по выражению Мераба Мамардашвили, — то в нас самих мы найдем и «восток», и «запад», а также еще много чего, что нужно только пристроить к делу, и этот методологический плюрализм, возможно, будет самой успешной стратегией в наступившем будущем.

И вместе с тем надо помнить о том, что проблема еще сложнее. Культурное перемешивание человечества достигло высоких степеней. Отец всемирной цифровой коммуникации Стив Джобс похоронен по буддистскому обряду, а внук северокорейского диктатора Ким Чен Ира учится в престижном колледже, красит волосы в рыжий цвет и носит серьгу в ухе не хуже других представителей «отвязной» современной молодежи. Но люди думающие держат в поле внимания необходимость даже в самой гуще перемешанных культурных программ сохранять «материнские платы» культур, чтобы в случае необходимости к ним можно было обратиться за подпиткой.

²² Восток-Запад. Словарная статья. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. С. 120–122.

